

Но интересней всего начинается стихотворение г. Фета в «Царь-Колоколе»:

За вздохом утренним мороза
 Румянец уст приотворя (!),
 Как сладко улыбулась роза
 В день мимолетный сентября...⁶

Сумеете вы, г. библиограф «Севера», объяснить нам его и доказать, что приведенные стихотворения не в пример «лучше» * некрасовских и надсоновских?

Может быть, они и подходят в какой-нибудь журнальчик для отдела «Афоризмов и шарад», но «приветствовать» их как образцы настоящей истинной поэзии... Как вы думаете? — можно?

«Орловский вестник», 1891, № 27, 27 января, без подписи. Авторство Бунина доказывается карандашной пометой: *Бун.* в редакционной подшивке газеты (Гос. архив Орловской обл., № 203-а). Под рубрикой «Маленькая беседа» в газете постоянно печатались заметки о современной литературе.

В сокращенном виде текст «Маленькой беседы» был процитирован в статье: Г о л ь д и н, стр. 18—19.

¹ Со второго полугодия 1891 г. издателем «Севера» стал Е. А. Евдокимов. Вс. С. Соловьев оставался редактором до начала октября того же года, затем редактором стал Вл. А. Тихонов, при котором журнал приобрел характер либерального издания.

² Бунин опирается здесь на одно из основных положений эстетики реализма. Выдвинутое Белинским и развитое после него Добролюбовым и Чернышевским, оно всегда служило оружием в борьбе передовой критики против антиреалистических и антидемократических воззрений на литературу.

³ О каком выступлении «Орловского вестника» против стихов Фета идет речь, установить не удалось.

⁴ «Нива», 1890, № 20, стр. 513 (см. А. А. Ф е т. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959, стр. 316—317).

⁵ «Quasi una fantasia». — «Нива», 1890, № 13, стр. 342 (А. А. Ф е т. Полн. собр. стихотворений, стр. 317). Приведено в «Орловском вестнике», 1890, № 76, 10 апреля, в отделе «Из наших поэтов».

⁶ «Сентябрьская роза». — «Царь-Колокол», 1891, № 4, стр. 57 (А. А. Ф е т. Полн. собр. стихотворений, стр. 152).

ПАМЯТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Предисловие А. С. Логвинова

С поэзией Шевченко Бунин познакомился еще в юные годы. В. Н. Бунина, рассказывая о его приезде в феврале 1889 г. к брату Юлию в Харьков, где он прожил около двух месяцев, сообщает, что Иван Алексеевич «по утрам проводил несколько часов в библиотеке, где стал знакомиться и с литературой по украиноведению, читал и перечитывал Шевченко, от которого пришел в восхищение...» («Жизнь Бунина», стр. 55). Общение с демократической украинской интеллигенцией в Харькове несомненно усилило интерес Бунина к Шевченко, но и до приезда на Украину он уже достаточно хорошо был знаком с творчеством великого Кобзаря. Об этом убедительно свидетельствует его переписка с И. А. Белоусовым.

В январе 1889 г. Белоусов прислал Бунину свою книгу «Из „Кобзаря“ Т. Г. Шевченко и украинские мотивы» (Киев, 1887). Отвечая ему, Бунин писал, что книга на него «произвела хорошее впечатление, во-первых, своим легким и отделанным стихом и, во-вторых, тем, что в ней есть несколько переводов (весьма верных и вообще хоро-

* В газетном тексте очевидная опечатка — «хуже».

ших) тех из стихотворений Шевченко, которые замечательны по глубине и теплоте чувства. Мне только жаль, отчего вы не перевели и не поместили в вашу книжечку такие, например, превосходные и высоко-поэтические вещи Тараса Григорьевича, как „Як умру я, поховайте...“, „Думи мої, думи мої...“, „И широкую долину...“ (кажется так?), „Огни горять, музика грає...“ и т. п. Не оттого ли, что у них есть уже переводы? Если так, то вы отчасти правы, но правы опять-таки отчасти — и вот почему: многие из переводов названных мною стихотворений Тараса Григорьевича не совсем удачны и вообще стоят много ниже подлинника. Так, например, перевод стихотворения „И широкую долину...“, сделанный А. Н. Плещеевым (кажется, им), по моему мнению, не совсем хорош; он начинается так:

И долину, и могилу,
И вечерний тихий час,
Все, что снилось, говорилось,
Вспоминал я много раз...

Но уже по началу можно судить, как мало он передает подлинник. Самый измененный размер много портит дело. Вспомните, Иван Алексеевич как хорошо первый куплет этого стихотворения у Шевченко! Какая глубокая, поэтическая грусть и как музыкально звучит она в конце этого куплета — „... Не забуду я!..“¹

В 1900 г. Бунин и сам занялся переводами из «Кобзаря» Шевченко. В «Журнале для всех» (1900, № 12) он напечатал перевод первой строфы «Заповіта» и начальных восьми строк стихотворения «Закувала возуленька...»²

Не только поэзия Шевченко привлекала Бунина — его интересовала также личность Шевченко и история его жизни. Характерно, что самое первое свое путешествие по Украине, когда он летом 1890 г. на барже с дровами проплыл от Киева вниз по Днепру, он предпринял, главным образом, для того чтобы побывать на могиле Шевченко. Об этом посещении подробно рассказано в книге В. Н. Буниной: «Он признавался, что ни одна могила великих людей его так не трогала, как могила Шевченко, находившаяся близ старинного города Канева, „места крови“, где почивают на старинных кладбищах герои и защитники казачества. Могила находится на горе, откуда открывается вид на Днепр, на далекие долины, на рассыпанные села, на то, что так любил украинский поэт. Могила простая, с белым крестом, а рядом окруженная мальвами, маком и подсолнечниками белая хатка, мечта, не сбывшаяся в жизни Шевченко. В хатке на стене — большой портрет поэта, а на столе — „Кобзарь“» («Жизнь Бунина», стр. 64).

Помимо устных воспоминаний Бунина, которыми в своей книге вообще широко пользуется В. Н. Бунина, она, передавая впечатление, произведенное на него могилой Шевченко, опиралась также на рассказ «Казацким ходом» (ранее называвшийся «На „Чайке“»). Здесь Бунин рассказывал о своей поездке по Украине, о том, как он «ждал увидеть вечное пристанище того, кто так горячо любил все это, кто воплотил в своих песнях всю красоту своей родины вместе с горестями своей страдальческой жизни...» (Собр. соч. 1965—1967, т. 2, стр. 432). «Впоследствии я бывал на могилах многих великих людей, но ни одна из них не произвела на меня такого трогательного впечатления, как могила украинского кобзаря. И в самом деле, — чья могила скромнее и в то же время величественнее и поэтичнее?» (там же)³.

В годы эмиграции, особенно часто во время работы над «Жизнью Арсеньева», Бунин обращался к воспоминаниям молодости. В одном из эпизодов пятой книги романа герой его, разговаривая с Ликой, признается в своей любви к Украине и вспоминает при этом стихи Шевченко: «Чайка скиглить, літаючи, мов за дітьми плаче, сонце гріє, вітер віє на степу козачім»⁴. И далее поясняет: «Это Шевченко, — совершенно гениальный поэт!» (т. 6, стр. 260). Не приходится сомневаться, что в этих словах выразилось то отношение к Шевченко, которое было и у самого Бунина в годы его жизни на Украине. Можно думать также, что это отношение не изменилось у Бунина до конца его дней.

Статья «Памяти Т. Г. Шевченко», написанная к 30-летию со дня смерти поэта и не включенная по непонятным соображениям в последнее собрание сочинений Бунина,

должна занять свое место в ряду его литературно-критических статей. Несмотря на узкие рамки газетной статьи, Бунин обнаружил в ней хорошее знание биографической литературы о Шевченко, которая могла быть тогда доступна ему; статья свидетельствует также о незаурядном знании автором поэзии Шевченко и о серьезном, вдумчивом к ней отношении⁵.

¹ «Радянське літературознавство». Київ, 1957, № 4, стр. 133, публикация И. Д. Бажинова (подлинник в ЦГАЛИ: ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 2—3 об.).

² Собр. соч. 1965—1967, т. 8, стр. 395 («Завещание») и 396 («Во зеленой, темной роще...»). В том же номере «Журнала для всех» (1900, № 12), рядом с названными переводами из Шевченко, было напечатано оригинальное стихотворение Бунина «Как светла, как нарядна весна!...» (см. Собр. соч. 1965—1967, т. 1, стр. 116). Некоторыми читателями оно было принято тоже за перевод из Шевченко. Так, С. В. Рахманинов, написавший музыку на эти стихи, обозначил автора текста — «Бунин — из Шевченко» (С. В. Рахманинов. 15 романсов. 1906. Соч. 26). Эта ошибка в изданиях романсов Рахманинова и в работах о нем остается неисправленной.

³ О поездках Бунина по Украине и об отражении их в его очерках и рассказах 1890-х годов см. настоящ. кн., стр. 65—66.

⁴ Строки из стихотворения Шевченко «До Основ'яненка» (1839).— Тарас Шевченко. Повне зібрання творів у шести томах, т. I. Київ, 1963, стр. 62.

⁵ О публикуемой статье Бунина см. также в книге: Ф. Я. Прийма. Шевченко и русская литература XIX века. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 404—405.

Тридцать лет тому назад, 26 февраля 1861 года, утром в половине шестого, умер Тарас Григорьевич Шевченко, один из народных поэтов и самых талантливых и благородных людей... Поэтому сегодня невольно вспоминается яснее нравственный образ поэта-самоучки, невольно приходят в голову его задуманные песни и думы, полные самой простой высокой поэзии и красоты, и хочется посвятить его памяти хотя несколько слов...

Помните грустную историю его жизни? Вот что найдете вы в его биографии. Тарас Шевченко — сын крепостного крестьянина, Григория Шевченко. Родился в 1814 году, 25 февраля, в с. Кирилловке Звенигородского уезда, Киевской губернии¹, в имении помещика. На восьмом году, лишившись отца и матери², он приютился у дьячка в школе в виде школяра — «попыхача». Эти школяры были в отношении к дьячкам то же самое, что мальчики, отданные к ремесленникам на выучку. Представьте же себе, что мог требовать от него дьячок, горький пьяница, и что сирота Тарас должен был исполнять с рабской покорностью!

Но как бы то ни было, он в течение двух лет прошел «грамматику», «числовец» и, наконец, псалтырь. Под конец школьного курса дьячок посылал его читать вместо себя по умершим и вознаграждал его десятой копейкой из полученных грошей за чтение. Дьячок обращался жестоко не с одним Тарасом, но и со всеми своими учениками, так что все они глубоко ненавидели его, обманывали и приучались делать ему всевозможные пакости. «Этот мой первый деспот,— говорит Шевченко,— поселил во мне на всю жизнь отвращение и презрение ко всякому насилию одного человека над другим»³. Детское оскорбленное сердце все-таки не вынесло: украв у дьячка какую-то книжечку с картинками, он ночью бежал в местечко Лисянку.

Там он нашел себе нового учителя в особе маляра-дьякона, который мало отличался от прежнего. Три дня Тарас терпеливо таскал воду, растирал ему краски, но и тут терпение лопнуло: Тарас бежал и на этот раз тоже к дьячку-маляру, надеясь усвоить его искусство. Но дьячок посмотрел на его левую ладонь и наотрез заявил, что из Тараса ничего не выйдет.

Потеряв надежду обучиться «хитрому» искусству маляра, Тарас возвратился в родное село, попал к своему помещику⁴ и очутился в комнатных казачках. Казачки играли для панской потехи веселые двусмысленные песенки, плясали,— словом, были, как говорят поляки, «туды-

сюды-навприсюды»⁵. Сидя в передней в минуты отдыха, он постоянно напевал гайдамацкие унылые песни и украдкой срисовывал картины суздальской школы в панских покоях.

Пан был человек деятельный: он беспрестанно ездил то в Киев, то в Вильно, то в Петербург и таскал за собою Тараса по разным постоянным дворам, где последний, по своей страсти к живописи, похищал со стен лубочные картинки и срисовывал с них, за что раз жестоко и поплатился своими ушами и вихрами. Так дожил Тарас до 18 лет. Помещик, потеряв надежду на его лакейскую расторопность, отдал его, наконец, на четыре года в Петербург к некоему живописцу Ширяеву. Ширяев соединял в себе все качества прежних наставников Тараса, но, несмотря на это, Тарас учился с любовью и почти каждую светлую весеннюю ночь бегал в Летний сад рисовать со статуй. Тут он печально познакомился с художником Сошенко, через него с Григоровичем, секретарем Академии художеств, потом с В. А. Жуковским и, наконец, был выкуплен у помещика. Начав посещать классы Академии, он вскоре сделался одним из любимейших учеников Брюллова.

В 1844 году Тарас Шевченко удостоился звания свободного художника⁶ и уехал в Киев. В 1847 году он был вместе с историком Костомаровым, Кулишом и многими другими выслан из Киева за сочувствие обществу, имевшему в виду объединение славян⁷. Кроме того, к высылке его способствовало и одно его не напечатанное стихотворение «Сон»⁸.

«Знакомство мое с Т. Шевченко,— рассказывает Костомаров в своей „Автобиографии“,— совершилось необыкновенно быстро. На другой же день мы говорили друг другу „ты“. Долгие вечера просиживали мы летом на Крещатике в саду за чаем. Нескончаемые велись между нами разговоры и споры. Шевченко выпивал стакан за стаканом со словами: „А вспытьте, будьте ласковы, ще чаю“. Теплая, благодатная малороссийская ночь не раз заставляла нас таким образом»⁹.

В «Русской старине» находим такие подробности этого дела.

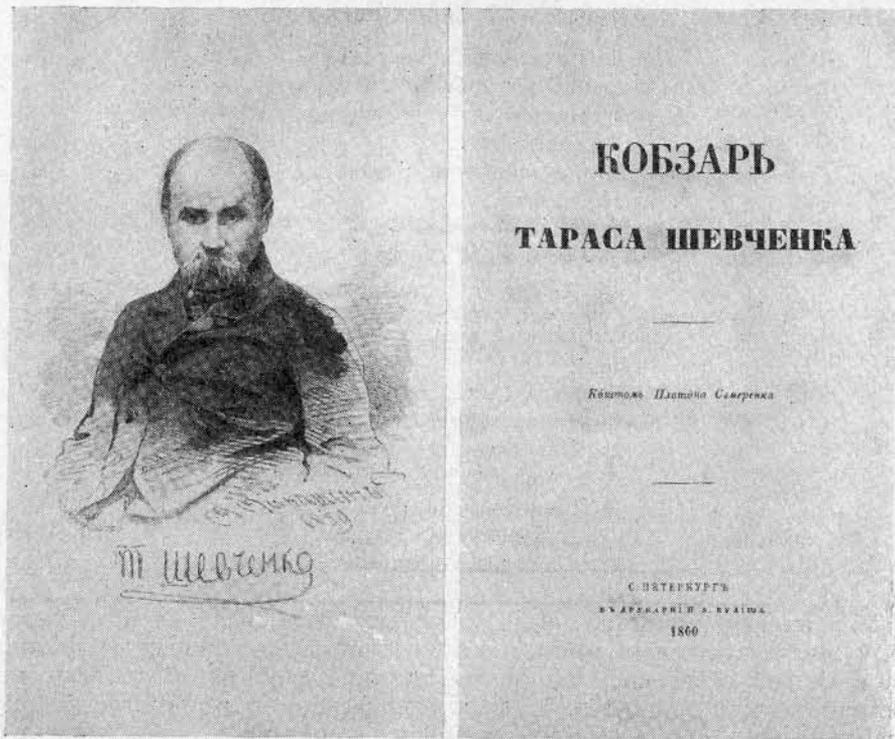
Арестован был Шевченко на дороге, когда ехал на свадьбу Костомарова. «Взял побрился,— рассказывал Шевченко,— надел белый галстук, фрак и сошел на паром через Днепр. Тут меня цап и прямо к некоему Фундуклею¹⁰. Тот засмеялся, как меня увидел: „Что это вы, Тарас Григорьевич, в белом галстучке и фраке?“— „Я боярином на свадьбе у Костомарова“.— „Ну, куда жениха, туда и бояр повезут!“— „Добре весилле“,— подумал я»¹¹.

Первое время к своему положению Тарас Григорьевич относился очень спокойно. Так, например, он все время на допросах шутил и острил. «Вот запоет теперь ваша муза»,—сказал ему один жандармский офицер.— «Да який же черт мене сюды занис, як не ся проклятая муза!»—ответил ему Шевченко¹².

Но дело приняло очень дурной оборот. В мае 1847 года его зачислили рядовым и повезли в Орскую крепость, в киргизские степи. «Мы видели перед отправлением,— рассказывает Костомаров,— как вывели Шевченко на двор в солдатской шинели. Он улыбался... Я заплакал глядя на него»...¹³

Там, в Орской крепости, Шевченко провел несколько лет среди грустной, однообразной местности: обнаженные серые горы, тощие речки Урал и Ор, а за ними выжженные зноем, засушенные ветром киргизские степи...

При всем этом Тарасу Григорьевичу было запрещено даже писать и рисовать. «Вы непременно рассмеялись бы,— пишет он про тогдашнее свое положение,— если бы увидели меня теперь; вообразите себе неуклюжего гарнизонного солдата, растрепанного, небритого, с чудовищными усами — и это буду я! Смешно, а слезы катятся»¹⁴...

«КОБЗАРЬ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО» (СПб., 1860)

Второе издание
Фронтиспис и титульный лист

Из Орской крепости поэт был переведен в Ново-Петровскую и провел там семь лет.

Только в 1858 году, за три года до смерти, он был освобожден¹⁵ и мог увидеть свои зеленые степи, своих братьев и сестру. После свидания с ними он поселился снова в столице, намереваясь работать — рисовать, писать. Но здоровье было уже разрушено, веселость пропала, и через три года он умер.

По характеру, по своему крайне простому образу жизни, Тарас Григорьевич был замечательным человеком. Все знакомые любили поэта за его искренность, задушевность и малороссийский юмор. Его, например, страшно любили дети, а «кого любят дети, тот еще не совсем поганый человек»¹⁶, по его же выражению. Рассказывают, что дамы любили шутить над его мешковатостью и повторяли, что «в него нелегко влюбиться». Тарас Григорьевич в ответ им напевал с доброю улыбкой:

Дунул ветер и Авдей
Полюбился снова ей,
Дунет ветер еще раз
И полюбится Тарас...¹⁷

Вообще то, что светилось в песнях и думах Тараса Григорьевича, было сразу заметно и в его характере. Только в первых, как в выразительных его лучших поэтических минутах, было больше грусти, оставленной невеселой судьбой.

«Не пытай моих ты песен», — говорил он в одном стихотворении:

Не пытай моих ты писень,
Сестро моя мила!
Цур им: вони сумни, смутни,
Як тая могила.
Нам з тобою, моя сестро,
Не ходити в пари:
Твое сонце свитить ясно,
Мое ж давно в хмари...¹⁸

Или помните его «Думи мої, думи мої», «Катерина», «Наймичка», «Огні горять, музыка грає...», «Сонце заходить...»

Сонце заходить, гори чорніють,
Пташечка тихне, поле німіє,
Радіють люди, що одпочинуть,
А я дивлюся... и сердцем лину
В темний садочок на Україну;
Лину я, лину, думу гадаю,
И ніби серце одпочиває...¹⁹

«Украинская строгая муза, — говорит про себя Тарас Григорьевич, — долго чуждалась моего вкуса, извращенного <жизнию> в школе, в помещицкой передней... Но когда дыхание свободы возвратило моим чувствам чистоту первых дней детства, проведенных под убогою батьковскою стрехою, она, спасибо ей, приласкала меня на чужой стороне...»²⁰

Да, на чужой стороне... Только смерть возвратила его на родину, только могила его среди приднепровских степей. Говорят — хорошо там: веет вольный степной ветер, далеко разлился Днепр, далеко стелятся степи, синеют «могилы», греет южное жаркое солнце, да зеленеет высокая трава.

«Орловский вестник», 1891, № 56, 26 февраля. Подпись: И. Бунин.

¹ Т. Г. Шевченко родился в с. Моринцы, того же Звенигородского уезда; в Кирилловку его семья переехала, когда будущему поэту исполнилось два года. Кирилловку как место своего рождения назвал сам Шевченко в автобиографическом письме к редактору журнала «Народное чтение» от 18 февраля 1860 г. («Народное чтение», 1860, № 2, стр. 230; см. также: Тарас Шевченко. Собр. соч., т. 5. М., 1964—1965, стр. 244).

² Мать Шевченко умерла в 1823 г., когда ему было девять лет; отец его умер в 1825 г. Бунин повторяет неточность, допущенную самим Шевченко в автобиографическом письме («Народное чтение», стр. 230).

³ Неточная цитата из автобиографического письма 1860 г. — «Народное чтение», стр. 231.

⁴ Семья Шевченко принадлежала в то время Павлу Васильевичу Энгельгардту, только что унаследовавшему состояние после смерти отца своего В. В. Энгельгардта.

⁵ Неточная цитата из автобиографического письма («Народное чтение», стр. 233).

⁶ Звание свободного художника Шевченко получил в марте 1845 г.; неточная дата — 1844 г. — указана самим Шевченко в его автобиографическом письме («Народное чтение», стр. 235).

⁷ Кирилло-Мефодиевское общество возникло в Киеве в начале 1864 г. Организаторами и членами общества были молодые украинские писатели и ученые — Н. И. Костомаров, Н. И. Гулак, Т. Г. Шевченко, П. А. Кулиш и др. Задачами общества были: уничтожение крепостного права, создание общеславянской федеративной демократической республики, просвещение народа, издание книг и журнала на украинском языке (см. П. А. Зайончковский. Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847). М., изд. МГУ, 1959).

⁸ Поэма «Сон» (1844) — одно из наиболее значительных произведений поэта, насыщенное страстной ненавистью к самодержавию. Сатирическая характеристика в нем самого Николая I и его жены привлекла особое внимание III отделения и более всего определила участь Шевченко. Впервые «Сон» был опубликован во Львове, в 1865 г.

Вплоть до революции 1905 г. стихотворение было запрещено в России, но широко распространялось в списках (см. Тарас Шевченко. Собр. соч., т. 1. М., 1964—1965, стр. 252—267).

⁹ Н. И. Костомаров. Автобиография. — «Русская мысль», 1885, № 5, стр. 211 (цитата приведена неточно). См. также: «Г. Г. Шевченко в воспоминаниях современников». М., 1962, стр. 149.

¹⁰ Иван Иванович *Фундуклей* — киевский губернатор в 1839—1852 гг.

¹¹ Н. И. Костомаров. Автобиография, стр. 218 (цитата приведена неточно).

¹² Там же; этот же эпизод был рассказан Костомаровым в «Письме к М. И. Семевскому», опубликованном в «Русской старине», 1880, № 3, стр. 601; очевидно, Бунин ссылается выше на этот источник, когда упоминает о «Русской старине».

¹³ Там же, стр. 219 (цитата приведена неточно).

¹⁴ Из письма Шевченко к кн. В. Н. Репниной от 24 октября 1847 г. Выдержки из этого письма (как и из других писем поэта к ней) были приведены впервые в статье Н. И. Стороженко «Первые четыре года ссылки Шевченка» («Киевская старина», 1888, кн. 10, стр. 7; см. также: Тарас Шевченко. Собр. соч., т. 5, стр. 280; у Бунина цитата не вполне точна).

¹⁵ Шевченко был освобожден от солдатской службы в июле 1857 г. Он покинул Ново-Петровское укрепление 2 августа того же года.

¹⁶ Эти слова Шевченко привела в воспоминаниях о нем С. Крапивина (Степанида Матвеевна Лобода). Ее воспоминания «Несколько слов о Тарасе Шевченко» были опубликованы в журн. «Пчела», 1875, № 42, 2 ноября (см. также: «Г. Г. Шевченко в воспоминаниях современников», стр. 362). Бунин мог найти приводимые им слова в книге: «Жизнь и произведения Тараса Шевченко (свод материалов для его биографии)». Сост. М. К. Чалый. Київ, 1882, стр. 145.

¹⁷ Этот эпизод сообщен в воспоминаниях Натальи Усковой, дочери коменданта Ново-Петровской крепости И. А. Ускова. Первоначально они были опубликованы в «Киевской старине», 1889, кн. 2, стр. 303; перепечатаны в книге: «Спогади про Шевченка». Київ, 1958, стр. 308.

¹⁸ Из стихотворения «До сестры», которое было опубликовано в «Киевской старине», 1885, № 3, стр. 522, как написанное Шевченко и адресованное В. Н. Репниной. Через два года она сама заявила в печати, что автором этого стихотворения Шевченко не был («Русский архив», 1887, № 6, стр. 258). Не зная об этом, И. А. Белоусов включил перевод стихотворения «До сестры» в свой сборник 1887 г. Печаталось оно и в тогдашних изданиях «Кобзаря».

¹⁹ См. Тарас Шевченко. NN. — Повне зібрання творів у шести томах, т. 2. Київ, 1963, стр. 37.

²⁰ Неточная цитата из автобиографического письма 1860 г. — «Народное чтение», стр. 236.

НОВЫЕ ТЕЧЕНИЯ

Предисловие А. С. Логвинова

Публикуемая статья, как и «Маленькая беседа» (см. настоящ. кн., стр. 296—299), содержит интересный материал для характеристики общественно-литературных позиций Бунина в первые годы его писательской работы. В этой статье — в редкой для Бунина форме прямого публицистического выступления — характерно решительное осуждение таких реакционных газет, как «Гражданин» и «Московские ведомости» (а также их подголосков в провинции), и не менее решительная поддержка передовой провинциальной печати, которая на рубеже 1880—1890-х годов нередко выражала взгляды земской интеллигенции, в частности, ее радикально-демократического крыла. Перед нами новое подтверждение того, что передовые идеи, которые вырабатывались в сознании юноши Бунина главным образом под влиянием старшего брата, были усвоены им достаточно прочно и глубоко.

Особый интерес представляет вторая часть статьи, где упоминается Салтыков-Щедрин. С произведениями великого писателя-сатирика Бунин познакомился во второй половине 1880-х годов, когда им овладела страсть к чтению и он жадно прочитывал все, что удавалось достать в деревне или в Ельце.

В ранних письмах к брату Юлию, которому Бунин обычно подробно рассказывал о прочитанном, встречается упоминания и о Щедрине. 14 октября 1888 г. он называет рядом с «Анной Карениной» и «Дневником читателя» Н. М. (Н. К. Михайловского)